

А. П. БУДБЕРГ

<«...Очень уж он доверчив, легковерен, несведущ в военном деле, податлив на приятные доклады...»>

30 апреля. Являлся верховному правителю; в Харбине я его ни разу не видал, знал о нем только по рассказам и внутренне был против него предубежден. Вынес симпатичное впечатление: несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив — озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего — вот то, что дало мне наше первое свидание для его характеристики...

7 мая. Еду в поезде Верховного правителя в Екатеринбург. Адмирал мрачен и утомлен; молчит и только сверкает глазами. Вся свита почтиительно молчит; я пытался разговорить адмирала, желая узнать от него планы по действиям на фронте, познакомиться с общей политической обстановкой и вообще разобраться в том, что такое представляет собой наш Верховный правитель и главнокомандующий. Однако все мои попытки оказались тщетными, что меня очень огорчило, так как я очень рассчитывал на дни переезда, свободные от назойливой текущей работы и очень удобные для обсуждения вопросов, планов и задач будущего и проверки работы прошлого. <...>

9 мая. Скверно и то, что Верховный правитель едва ли в состоянии сломать все это и навести настоящий порядок: очень уж он доверчив, легковерен, несведущ в военном деле, податлив на приятные доклады и заморожен теми, кто говорит ему приятное и в оптимистическом тоне. <...>

18 мая. <...> ...Был вызван к адмиралу, который, как хорошо заученный урок, повторил все доводы Лебедева и К° о необходимости реорганизации военного управления и объявил, что моего отказа не принимает и приказывает мне принять решенное им назначение; я пытался доложить свои доводы, но с адмиралом начался шторм,

он стал кромсать ножом ручку своего кресла и заявил, что он желает этой реформы, признает ее необходимой и приказывает ее осуществить. Пришлось замолчать.

Затем адмирал приказал Бурлину¹ и мне отправиться к военному министру и объявить ему о состоявшемся его решении. Это меня очень удивило, так как я считал, что это дело самого адмирала объявить такое серьезное решение одному из своих ближайших сотрудников; вижу в этом неискренность; нехорошо, если у такого лица не хватает прямоты и характера, чтобы самому произвести эту операцию. <...>

19 мая. Пришлось быть безмолвным свидетелем объявления Степанову уже совершившегося факта его отставки и утверждения адмиралом новой реформы военного управления. Пришлось пережить очень неприятные минуты нравственной неловкости за вынужденное участие в этой церемонии и чувство стыда за адмирала, в котором не нашлось достаточно характера, чтобы сделать это самому и в более приличной для своего сотрудника форме; неискренность адмирала очень напоминает в этом несчастного Николая II. <...>

26 мая. Я все время пытаюсь найти какое-либо лицо, близкое к адмиралу, чтобы хоть через него попытаться разъяснить тому правду; говорил по этому поводу с Федотовым, имеющим с адмиралом старые морские связи, но, по его словам, последний совсем в плену у своих советников. <...>

27 мая. Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспыскивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников. <...>

Весь вопрос в том, насколько глубоко и прочно поддержит меня адмирал, в особенности тогда, когда дело коснется ставки и основных принципов; очень уж он неустойчив; в начале каждого доклада я чувствую, что он предубежден против моего пессимизма, но затем вижу, как доводы и факты его побеждают; к концу доклада он уже на моей стороне, но только до тех пор, пока не придет и не опрокинет кто-либо другой...

4 июня. Не прав во многом и адмирал, или, вернее оказать, порывистость его природы и его податливость советам людей, которым он почему-либо верит; адмиралу следовало бы спокойнее взглянуть на этот инцидент, сознать значение этого выступления и поглубже заглянуть в причины, его вызвавшие.

На все это надо было взглянуть широко, объективно, вне личных отношений к Гайде и Лебедеву и вне квалификации выпада зазнавшегося нахала; надо было решать, исходя из всесторонних и широких выводов

и заключений, а не базируясь только на подуськиваниях испуганной и заинтересованной ставки и тех омских кругов, которым надо было выгородить своего ставочного патрона. По-моему, у адмирала было два решения: или никуда не ездить и отрешить Гайду как бунтовщика от должности и предать его суду; или же поехать на фронт, поговорить с обоими командармами и достойными доверия начальниками, все выяснить, все узнать и тогда уже решаться. Вместо этого весь инцидент проведен в атмосфере сгущенного личного раздражения, взаимных подозрений и затушеванной беспристрастности; негосударственно все это, мелко очень и пахнет лавочкой. Еще раз — и который уже раз — в сумбурной истории наших дней решающее значение получили субъективные импульсы отдельных личностей, не способных возвыситься до государственного спокойствия и героического отрешения от эгоистических, самолюбивых и честолюбивых побуждений.

Старая восточная пословица о том, что «семейное счастье состоит в умении супругов вовремя по пустякам уступить», конечно, широко понимаемая, опять не нашла применения. Всю ссору свели на скорлупу, а об ядре позабыли. В результате пострадали и Гайда, и адмирал, и авторитет власти, а выиграли только красные. <...>

5 июня. Жалко смотреть на несчастного адмирала, помываемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие. <...>

7 июня. После обеда был с очередным докладом у адмирала. Тяжело смотреть на его бесхарактерность и на отсутствие у него собственного мнения по незнакомым для него вопросам; судя по тому, что слышал о нем в Харбине, думал, что это самовластный и шальный самодур, и совершенно ошибся. И в этом вся тяжесть положения, ибо лучше, если бы он был самым жестоким диктатором, чем тем мечущимся в поисках за общим благом мечтателем, какой он есть на самом деле. В довершение всего судьба сразу обидела его в составе его доверенного антуража; сейчас даже трудно что-либо сделать, так как по многим вопросам его успели начинить заведомо неверными взглядами и решениями, и при его слабости очень трудно повернуть все это на новую дорогу, т.е. «прочно» повернуть, ибо вырвать у него решение очень легко, но нет никакой уверенности в том, что оно не будет изменено через полчаса докладом кого-либо из ближайшего антуража. Особенно трудно мое положение, так как мне нужно резко идти против ставки и против многих течений омского болота, давно уже захвативших в плен этого полярного идеалиста, еще труднее и потому, что по закону я считаюсь помощником Лебедева и в силу военной дисциплины обязан сдерживаться в своей оценке его деятельности.

Адмирал, по-видимому, очень далек от жизни и, как типичный моряк, мало знает наше военно-сухопутное дело; даже хуже того: он напичкан и как добросовестный человек очень усердно напичкался тем материалом, который ему всучили Лебедев и К^о; сразу видно, что многое напето ему с чужого голоса.

Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не дает ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала, по-видимому, ничего нет — это ярко сквозит во всем его разговоре, в его мыслях и решениях. По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодливость, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка. Скверно то, что этот ребенок уже избалован и, несомненно, уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставленного нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение. <...>

18 июня. Бедный адмирал горел во время моего доклада, вскакивал, хватался за голову, кромсал ножом ручку своего кресла, требовал добыть виновных, чтобы он мог их покарать. <...>

Да разве в этом дело? Разве одними карами можно выправить наш опасный крен? Для злых и подлых кары необходимы, но много больше нужно творчество, а для творчества нужны иные люди в помощь этому бедному и беспомощному идеалисту, а кроме того, нужна общая встряска, общий подъем. <...>

23 июня. Адмирал страшно разнервничался; он, по-видимому, не понимает, что для устранения надо изменить всю систему управления; сам он всем сердцем хочет улучшения и очищения и готов на самые порывистые, но одиночные и бессистемные действия и кары, но бессилен справиться с разъедающим нас злом во всей его совокупности, ибо для этого нужны железная система, длительное ее применение и энергичные, добросовестные исполнители.

Во время доклада адмирал сообщил мне, что ночью арестованы шесть военных летчиков и начальник воздушного флота за провоз частных грузов под видом военного снабжения и что он хочет, чтобы над ними разразилась вся строгость правосудия, но не уверен в осуществлении своего желания и боится вмешательства юристов и адвокатов.

И жалко адмирала, и больно, что власть находится в таких беспомощных руках. Я ему доложил, что едва ли можно опасаться каких-либо затруднений в осуществлении его желания, так как такие подлые

преступления должны быть подведены под понятие государственной измены и сознательной, из корысти, помощи неприятелю, ибо невозможна иная квалификация для деяний, когда из жажды наживы воруют вагоны и этим наносят ущерб делу боевого снабжения фронта; нельзя смотреть на такие деяния как на простой подлог и мошенничество, ибо у армии украдено пять вагонов и она потеряла пять тысяч пудов снабжения. <...>

8 июля. Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева², который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала. <...>

27 июля. Конечно, адмирал вызван на этот шаг присущей ему отзывчивостью, нервным и стремительным желанием оказать какую-нибудь помощь фронту, проявить реальное сочувствие к его нуждам; по этой части он очень импульсивен, и в хороших руках это качество могло бы быть использовано весьма продуктивно.

Сегодня во время доклада вызвал острое недовольство адмирала своим докладом о тревожности положения под Челябинском; он меня резко остановил, заявив, что донесения Лебедева вполне успокоительны и что мой пессимизм не к месту. Я сдержанно доложил, что мой служебный опыт позволяет мне иметь свой собственный взгляд на военные операции, а мой служебный долг обязывает меня доложить мои сомнения и опасения; опасности же в моем пессимизме нет, так как подчиненным и окружающим я этого не высказываю, а говорю только тем из старших начальников, которые по своему и по моему положению обязаны меня выслушать; дальнейшее же — их дело, дело их долга, совести и разума.

Адмирал нахохлился, но терпеливо меня выслушал. <...>

13 августа. Тельберг очень усердно защищал заслуги Совета Верховного правителя, как органа, «умеряющего экспансивность адмирала», и заверял, что Совет смягчил и аннулировал много вредного из того, что могло произойти от этой «экспансивности».

Зачем было говорить эту бестактность по отношению к лицу, представляющему верховную власть, и эту неправду? Адмирал вспылчив, экспансивен, мало уравновешен, но не сам по себе, а в зависимости от того материала, который доставляется ему докладчиками, советчиками и приближенными; при умном и честном информировании адмирал будет способен только на хорошую экспансивность.

Все мы знаем хорошие и дурные стороны характера нашего Верховного правителя, но никто не осмеливался до сих пор бросить какого-либо упрека по его адресу, ибо не рассосалось еще чувство порядочности

и сознание, что наш долг аннулировать по мере сил и возможности недостатки носителя верховной власти. <...>

21 августа. Вечером адмирал разговорился на политические темы и выказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение как на посланный небом подвиг и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возвратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

Он с восторгом рассказал случай с отказом принять предложение помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндии; когда же я ему высказал, что не было ли такое решение крупной военной и государственной ошибкой, то он весь вспыхнул, страшно огорчился и ответил, что идеею великой, неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, что это его *credo*.

Слушая его, думал, сколько хорошего можно сделать из этого вспылчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца, если бы слабой волей руководил кто-нибудь сильный и талантливый и руководил так же искренно и идейно, как искренен и предан идее служения России сам адмирал.

22 августа. При посещении Ижевцев впервые видел адмирала перед войсками; впечатление большого начальника он произвести не может; говорить с солдатами он не умеет, стесняется, голос глухой, не отчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные, и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он роздал много наград, произвел десятки офицеров и солдат в следующие и офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел.

Он не создан для таких парадных встреч; вместе с тем я уверен, что, если бы он объехал стоянки частей, посидел с солдатами, запросто пообедал, удовлетворил бы несложные запросы и просьбы, то впечатление осталось бы глубокое и полезное. <...>

26–31 октября. Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России; несомненный неврастеник, быстро вспыхивающий, чрезвычайно бурный и несдержанный в проявлении своего неудовольствия и гнева; в этом отношении он впитал весьма несимпатичные традиции морского обихода, позволяющие высоким морским чинам то, что у нас в армии давным-давно отошло в область преданий. Он всецело поглощен идеей служения России,

спасения ее от красного гнета и восстановления ее во всей силе и неприкосновенности территории; ради этой идеи его можно уговорить и подвинуть на все, что угодно; личных интересов, личного честолюбия у него нет и в этом отношении он кристально чист.

Он бурно ненавидит всякое беззаконие и произвол, но по несдержанности, порывистости характера сам иногда неумышленно выходит из рамок закона и при этом преимущественно при попытках поддержать этот самый закон и всегда под чьим-нибудь посторонним влиянием.

Жизни в ее суровом, практическом осуществлении он не знает и живет миражами и навязанными идеями. Своих планов, своей системы, своей воли у него нет, и в этом отношении он мягкий воск, из которого советники и приближенные лепят что угодно, пользуясь тем, что достаточно облечь что-нибудь в форму необходимости, вызываемой благом России и пользой дела, чтобы иметь обеспеченное согласие адмирала.

Отсутствие твердых взглядов и твердой воли порождает почти что ненормальную неустойчивость решений и вечное колебание общего курса правительственной деятельности, делающегося вследствие этого рабом разных течений, возникающих во властвующем над волею адмирала кружке лиц.

Тяжело смотреть на адмирала, когда неожиданно он наталкивается на коллизию разных мнений и ему надо принять решение; видно, что он боится не ответственности решения, а принятая неверного, вредного для всепоглощающей его идеи решения. Своего анализа, своего твердого критерия у него нет, и это делает его беспомощной игрушкой в руках тех, которые приобрели его доверие и овладели его волею.

Он избалован успехами и очень чувствителен к неудачам и неприятностям; особенно болезненно реагирует на все, что становится на пути осуществления главной задачи спасения и восстановления России, причем, как и во всем, тут нет ничего личного, эгоистического, честолюбивого. Мне особенно часто приходилось заваливать его целыми кучами самых неприятных и тревожных докладов; сначала он вспыхивал, но быстро темнел, горбился, потухал и как-то сжимался под тяжестью неопровержимых фактов; иногда гремел, грозил все испепелить и сломать все препоны, просил совета и помощи, как все это сделать, и трогал искренностью своего горя и переживаний.

Когда у меня было много неприятных докладов, то я с довольно тяжелым чувством входил в адмиральский кабинет, зная, что мне придется надолго вывести из душевного равновесия этого больного идеалиста. Если же приходилось докладывать что-нибудь приятное, то адмирал радовался, как ребенок, сверкал глазами и готов был всех облагодетельствовать.

Военного дела он не знает совершенно, даже хуже, ибо схватил только общие места и приобрел кое-какие теоретические сведения, дающие видимость знания, но крайне опасные в практическом применении. В этом отношении он настоящий моряк того типа, десятки образцов которого я видел во время своей Владивостокской службы; я знал многих адмиралов, которые тесно соприкасались с нашей сухопутной жизнью и совершенно не знали основ нашей организации; были такие, которые знали хорошо разницу между иерархическими положениями командира корпуса и начальника дивизии (ибо это определяло порядок отдачи визитов и число выстрелов салюта), но имели очень смутное представление, что такое корпус и дивизия. Вообще, морская кость смотрела на «армию» (огульное для нас название), как на нечто низшее, и считала, что ей невместно и не к чему знать нашу организацию и основания нашей службы и боевой работы.

Попав на высший пост военного командования, адмирал со свойственной ему подвижнической добросовестностью пытался получить неприобретенные раньше знания, но попал на очень скверных и недобросовестных учителей, дававших ему то, что нужно было для представления адмирала в желательном для них духе.

Не думаю, чтобы они делали это сознательно, ибо и сами учителя были очень малограмотны, сами знали только отвлеченные теории и не имели должного практического опыта. Они не знали тех серьезных практических коэффициентов, кои только и определяют боевое значение войск, и не смогли передать поэтому этого знания и адмиралу. На наше горе эти учителя не были даже третьестепенными подмастерьями своего ремесла, и это сыграло самую роковую роль во всей истории первого года нашего верховного командования.

На свой пост адмирал смотрит как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше, и мне думается, что едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренно, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления единой, великой и неделимой России. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый; детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств; вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жаждой личного труда, примера и самопожертвования; непонимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться; далекий от того, что вокруг него его именем совершается — вот беглый перечень отличительных черт характера того человека, на котором скоро уже год лежит тяжелый крест олицетворять и осуществлять временную верховную власть России.

К этому человеку нужны были крупные поправки в лице его ближайших помощников по командованию армией и по гражданскому управлению страной; нужно было, чтобы на посты начальника штаба Верховного главнокомандующего и председателя Совета министров попали крупные, талантливые деловые люди, специалисты своего дела, способные справиться с той великой задачей, которая возлагалась на них их положением; они должны были прикрыть, сгладить, умерить и парализовать все недостатки наличной верховной власти и направить всю силу духовного и душевного величия адмирала на созидательную практическую работу. Своей системой им следовало заменить бессистемность адмирала; своими специальными знаниями восполнить его незнания и непрактичность; своей волей подпереть колеблющуюся волю Верховного правителя. Свою работу, свое творчество великое, спасительное и полезное, они должны были провести как работу и творчество самой верховной власти, и возвеличиться ее величием.

Одновременно они обязаны были оградить адмирала от нашептывания и безответственных влияний; насколько я узнал адмирала, для сильных людей это было вполне возможно, в особенности, если бы действительность сразу показала адмиралу, какие люди около него стоят.

На горе России судьба вздвоила адмирала самыми второстепенными ничтожествами, и это предрешило тот поток разных бед, что сыпятся на нас последние полгода³.

